

УДК 392.91(=512.157)
DOI 10.25587/SVFU.2019.13.27296

А. А. Бурыкин
Калмыцкий научный центр РАН

УРААНГХАЙ-САХАЛАР: РАЗМЫШЛЕНИЯ О ПРОИСХОЖДЕНИИ И ЗНАЧЕНИИ НАИМЕНОВАНИЯ

Аннотация. Предмет статьи составляет географическое название *Урянхай* как название провинции, где ныне проживают тувинцы, исторического этнонима *уранхайцы* и фольклорное название якутов *ураангхай-сахалар*. Значение и языковая принадлежность именованного *уранхай* в течение многих лет обсуждается в литературе, расселение и этническая принадлежность тех, кого в источниках называли урянхайцами или похожими именами, также никогда не имели однозначной трактовки. В то же время географическая определенность территории с именем Урянхай в её границах, языковая принадлежность от топонимического этнонима *уранхай* и его возможная этимология чрезвычайно важны для изучения исторической географии Южной Сибири, этнического состава её территории и изучения её языкового ландшафта в исторической перспективе. Автор, дав обзор наиболее значимой литературы по проблеме и опираясь на сходно звучащие топонимы, соотносит топоним *Урянхай* с топонимами Уренгой, связанные с ареалом распространения самодийских языков в бассейне Оби, показывает, что такое наименование имеет статус географического апеллятива, а не конкретного названия географического объекта, и объясняет его из ненецкого языка как *варё-нг-хой* «гора с проталинами». Понятно, что объект с таким названием не поддаётся индивидуальной идентификации, но он понятен как название географической провинции, на территории которой проживают тувинцы, в течение долгого времени называвшиеся урянхайцами. Проблема фольклорного именованного якутов *ураангхай-саха* в свете установления происхождения топонима *Урянхай*, с одной стороны, исторически связывает якутов с более южными территориями, в частности, с территорией Восточной Тувы, с другой стороны, наименование *ураангхай-саха* укладывается в модели наименования территориальных групп якутов по характеристике местности, где они проживают. В якутских олонхо наименование *ураангхай* всегда соотносится с народом-носителем стандарта традиционной тюркской культуры. Упоминания уранкаев в эвенкийских эпических текстах без сомнения отражают влияние якутского фольклора, отождествление уранкаев с эвенками, как предполагали отдельные исследователи, оказывается неубедительным.

Ключевые слова: фольклор, эпос, тувинцы, якуты, эвенки, топонимы, этнонимы, историография, этимология.

Благодарности: Исследование подготовлено в рамках проекта РФФИ № 18-412-140013 п. а «Эпическое наследие арктических (северных) якутов в контексте этнической истории (проблема взаимодействия и взаимовлияния)».

А. А. Burykin

Uraangkhai-sakhalar: reflections on the origin and meaning of the name

Abstract. The subject of the article is a geographical name *Uryankhai*, the former name of the province where Tuvans live now, the historical ethnonym *uraangkhai*, and folklore name of the Sakha people *uraangkhai-sakhalar*. For many years, the meaning and linguistic identity of the naming *Uraangkhai* have been discussed in the literature; the spatial distribution and ethnicity of those referred to as *uraangkhai* or similar names have never had an unambiguous interpretation. At the same time, the certainty of the geographical territory named *Uryankhai*

БУРЫКИН Алексей Алексеевич – д. филол. н., д. и. н., в. н. с. отдела монгольской филологии Калмыцкого научного центра РАН, Элиста, Россия.

E-mail: albury@mail.ru

BURYKIN Aleksey Alekseevich – Doctor of Philological Sciences, Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher of the Department of Mongol Philology, Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Elista, Russia.

E-mail: albury@mail.ru

within its boundaries, the linguistic affiliation of the toponymical ethnonym *uraangkhai* and its probable etymology are extremely important for learning the historical geography of southern Siberia, for studying the ethnic composition of its territory and its linguistic landscape in the historical perspective. Giving an overview of the most important literature on the issue and relying on similarly sounding names, the author relates the toponym *Uryankhai* with the place name Urengoi, associated with the area of distribution of Samoyedic languages in the Ob River basin, shows that such a name has the status of a geographic appellative, and not a specific name of a geographic object, and explains it from the Nenets language as *varyo-ng-hoi* ‘the mountain with thawed patches’. It is clear that the object with the same name defies individual identification, but it is understandable as the name of a geographical province, whose territory is inhabited by Tuvans, who were called *uryangkhai* for a long time. In the light of the established origin of the toponym *Uryankhai*, the folk naming *Uraangkhai-Sakha*, on the one hand, historically connects Sakha (Yakut) people with the more southern territories, in particular, with the territory East Tuva; on the other hand, the name *Uraangkhai-Sakha* fits in the model of naming territorial groups of Sakha people according to the characteristics of the area where they live. In the Yakut Olonkho, naming *uraangkhai* always correlates with the people bearing the standard traditional Turkic culture. Mentioning of *uraangkhai* in the Evenki epic texts reflect, without a doubt, the influence of the Yakut folklore, hence, the identification of *uraangkhai* with the Evenki, as suggested by some researchers, is unconvincing.

Keywords: folklore, epic, Tuvans, Yakuts, Evenki, place names, ethnonyms, historiography, etymology.

Acknowledgments: The study was prepared within the framework of the RFFR, project No. 18-412-140013 p_a “The Epic Heritage of the Arctic (Northern) Yakuts in the Context of Ethnic History (the Problem of Interaction and Mutual Influence)”.

Введение

Проблема этнического наименования *ураангхай-сахалар* уже много лет остается в центре внимания историков, этнографов и фольклористов-якутоведов. Стало традицией видеть в этом наименовании древнее название или самоназвание якутского народа [1], на что указывают известные материалы по якутскому фольклору, прежде всего тексты олонхо, число которых продолжает увеличиваться. Основательное исследование Г. В. Ксенофонтова «Ураангхай-сахалар» [2], содержащее и исторический обзор проблемы, и собственные построения автора, заслуженно продолжает находиться в научном обороте.

Особая сложность проблемы исследования этнического именованя *ураангхай-сахалар* заключается в том, что географическое имя *ураангхай*, от которого происходит этническое именование *ураангхай-сахалар* имеет значительное географическое распространение и фиксируется в источниках со времён средневековья. За длительное время обсуждения вопрос об ураангхай-сахалар оброс массой разнообразных гипотез, предположений, в той или иной мере обоснованных построений, однако вопрос до недавнего времени оставался практически нерешенным.

С. И. Вайнштейн в своей книге «Мир кочевников Центра Азии» [3] обещает читателю дать этимологию названия *уриянхай*, но вместо этого даёт только отсылку на свою более раннюю работу [4], которую, однако, стоит процитировать, чтобы не повторяться при обзоре проблемы:

«Вопрос об этнониме урянкат (уриянх) и его отношении к современным тувинцам, которые долгое время были известны в литературе под названием урянхов, имеет несомненный интерес. Некоторые исследователи, в том числе Г. Н. Потанин (“Очерки Северо-Западной Монголии”, вып. IV, СПб., 1883), Г. Е. Грумм-Гржимайло (“Западная Монголия...”, т. II) и Ф. Кон (“Экспедиция в Сойотию”), отрицали этническое значение названия “уриянх”. Исторические факты, однако, свидетельствуют о том, что урянкат (уриянх) является древнейшим тюрко-монгольским этнонимом. В “Сокровенном сказании” уриянхи упоминаются среди племён, существовавших ещё до мифической прародительницы чингизидов Алангоа (Юан-Чоу-би-ши “Сокровенное сказание”). Среди сподвижников Чингис-хана “Сокровенное оказание” указывает на нескольких лиц “из племени уриянхана”. Согласно Рашид ад-Дину, один из видных чингисхановских предводителей – эмир Субэдей-Бахадур был из племени урянкат (Рашид-ад-Дин “Сборник летописей”). О том, что урянкат служило этническим именем, косвенно свидетельствует то, что сын Субэдей-Бахадура, известный предводитель войск Хубилай-хана, носил имя Урянкатан. Примеры использования племенного этнонима в качестве собственного имени в татаро-монгольской среде достаточно известны. Так, сын монгольского правителя Ирана Аргунияка (XIII в.) из племени ойрат носил имя Ойратай.

В своей летописи Рашид ад-Дин утверждает, что урянкаты известны под этим этнонимом с древнейших времен, и приводит различные о них сведения, в том числе характеризующие их кочевой быт и верования (шаманизм). Ряд слов урянхов, приведённых летописцем, существует и в современном тувинском языке; например, *харгас* – верхушка юрты (у тувинцев *харача* – верх юрты в виде обруча, это название известно также монголам), *уг* – войлочный чулок (у тувинцев – *ук*), это слово тюркское, в монгольском языке его нет. Весьма любопытен приводимый Рашид ад-Дином обычай урянкатов: “...Когда падает много молний, они поносят и небо, и тучи, и молнии и кричат на них”. В этом отношении они отличаются от других монголов, которые “во время грозы... не выходят из кибиток и в страхе сидят [дома]”. Чрезвычайно интересно то, что о таком же обычае говорит китайская летопись Вэй-шу, которая относит его к уйгурам: “При каждом громовом ударе производят крик и стреляют в небо...” (Н. Я. Бичурин “Собрание сведений...”). Вполне вероятно, что этот обычай был распространен у уйгурских племён (напомним, что китайцы относили дубо к уйгурам) в отличие от их соседей монголов. В этой связи любопытно, что дархаты называют язык своих соседей – восточных тувинцев – уйгурским (Г. Н. Потанин “Очерки Северо-Западной Монголии”). Косвенное подтверждение этих сведений Рашид ад-Дина о монголах мы находим в предании одного из бурятских родов, где говорится, что члены этого рода по завету своих предков боятся грома и молнии и от них прячутся (Ю. Д. Талько-Гринцевич “Материалы к антропологии и этнографии Центральной Азии”, Ленинград, 1926). Как мы уже отмечали выше, наряду с урянкатами, относящимися, по всей вероятности, к степным племенам, у Рашид ад-Дина приводятся сведения о лесных урянкатах, причем наряду с ними к лесным племенам отнесены также урасут, теленгут и куштеми (“Сборник летописей”). Следовательно, непринадлежность урянкатов к лесным племенам, как считают некоторые авторы, определила их название. Урянхай не было общим названием для лесных народов. Как известно, якуты в торжественных случаях называли себя урянгай-саха (В. Л. Серошевский “Якуты”, т. I, СПб., 1896). Этот факт может рассматриваться как отражение древних этнических связей якутов с племенами урянкат, а возможно, и общности происхождения южного компонента в этногенезе якутов и племени урянкат, подтверждающей тюркоязычность последнего.

Этноним урянкат до недавнего времени сохранился в качестве самоназвания отдельных, ныне монголоязычных, групп. Среди волжских калмыков был род урянхус (П. Небольсин “Очерки быта калмыков хошоутского улуса”, “Библиотека для чтения”, СПб., 1852). Среди селенгинских бурят известно пять “костей” (ясу), носящих имя “урянхат” (Ю. Д. Талько-Гринцевич “Материалы...”). Среди “костей”, зафиксированных на Ордосе в Монголии, Г. Н. Потанин называет также урянхит (“Тангут-Тибетская окраина Китая и Центральная Монголия”, т. I). Эти факты не противоречат тому, что по крайней мере в монгольское время существовала племенная группа урянкат, осколки которой могут находиться в составе различных народов. Аналогичное явление мы наблюдаем у ряда народов Средней Азии, среди которых встречаются группы, носящие имя в прошлом крупных народов Центральной Азии.

В последние столетия монголы называли всех тувинцев урянхами. Буряты называли тофаларов (карагасов) “урянха” (Н. Ф. Катанов “Поездка к карагасам в 1890 году”, “Записки РГО по отделению этнографии”, т. XVII, вып. 11, СПб., 1891). В XIX в. имя “урянх” отмечено от Кореи на Востоке до калмыков на Западе (Г. М. Василевич “Материалы языка, фольклора и этнографии к проблеме этногенеза тунгусов”, ч. II, “Материалы фольклора”, Архив ИЭ АН СССР). В русских документах XIX – начала XX в. Тува носила название Урянхайской земли, Урянхайского края» [3, с. 30-31, прим. 76].

В. Л. Серошевский писал: «Риттер склонен, по-видимому, к мнению, что в старину китайцы под именем у р я н х а й (вулянхай) понимали самоедов, живущих на Кеме¹. По толкованию А. Ремюза и Клапрота, слово это значит “охотники за оленями” и относится к тунгусам. В древнейшем сказании о народном сейме Та-че есть указание, что в их стране к западу лежит Самарканд, к востоку же В у л я ю - х а, из чего А. Ремюз заключает, что это самая северная часть восточной Татари, на запад от народа нуй-чжень до Японского моря. Все эти предположения не выходят, впрочем, из области гадательности и устанавливают прочно только одно:

¹ Имеется в виду река Енисей. – А. Б.

имя это давно известно китайцам и монголам, чуть ли не одновременно со словом уйгур, и этим именем назывались народы, жившие где-то на севере. Этим же именем уранхай или сокращенным урянх называют в настоящее время дархаты, монголы и китайские чиновники небольшой народец, смешанного, по-видимому, происхождения, живущий на северных склонах Танну-ола, между этим хребтом и Саянскими горами в долинах рек: Улукем, Бай-кем, Кемчику и др., а также на озере Косоголь и на южном склоне Танну-ола (или Такгну-ола) в долине р. Нарын-сумын и в вершине р. Кобдо» [5, с. 195]. Здесь воспроизведена верная догадка о том, что название Урянха может относиться к территории, на которой проживают самодийские народы.

Как отмечает В. В. Ушницкий: «Г. В. Ксенофонтов выдвинул гипотезу об образовании имени уранхай от тунгусского слова “орон” – олень. По его утверждению, якутские уранхай принадлежали к тунгусским племенам Маньчжурии, но уже в древности утратили свои этнические признаки и усвоили целиком турецкий язык и культуру. Таким образом, он предполагал, что этноним уранкай вошел в язык саха в ходе ассимиляции тюркоязычными саха аборигенов края – тунгусов или эвенков. По его мнению, уранхайцами себя называли предки вилюйских саха ещё в начале н. э.

Также Г. В. Ксенофонтову принадлежит гипотеза о происхождении этнонима курыкан от уранхай через промежуточные урааныкаан-курынкаан. О связи этнонимов курыкан и уранхай из современных исследователей придерживаются бурятские ученые В. И. Рассадин, Д. В. Цыбикдоржиев и Б. Нанзатов» [6, с. 72]. В другой работе мы читаем почти то же: «На связи этнонимов “курыкан” и “уранхай” настаивают бурятские ученые В. И. Рассадин, Д. В. Цыбикдоржиев и Б. З. Нанзатов. Д. Б. Цыбикдоржиев приводит сведения якутского фольклора о прародине саха в стране Ураанхай около Байкала, связывая их с курыканами. В этой связи представляется заманчивым констатировать этимологическую близость якутского эпонима “Урааныкаан” с урынкаан. Однако урянхайцы в летописях поздних китайских династий упоминаются под именами улянха (волянха); и нет сведений об их связи с курыканами» [7, с. 96]. Надо заметить, что, вопреки сказанному, Г. В. Ксенофонтов нигде не говорил о происхождении этнонима *урянхай* из *курыкан* – это домыслы новейших увлечённых исследователей, основанных на недоразумении: даже если в тофаларском языке может отпадать начальный согласный *к*, сам этот древний этноним не может происходить из современного тофаларского языка, где он *к* тому же и не зафиксирован.

Далее В. В. Ушницкий пишет: «По данным М. А. Кастрена, вероятна связь слова “урянхай” с кетским словом “уренгхит” ‘водяной (речной) человек’. Он считал, что термин “урянхит” сначала был самоназванием какого-то древнего, родственного кетам, “палеоазиатского” лесного племени Саяно-Алтайского района, занимавшегося охотой и рыболовством. Это племя распалось на несколько частей, в результате ассимиляции оно вошло в состав позднейших тюрков и монголов, в том числе якутов. Со временем было позабыто и их древнее самоназвание, которое сохранили степные народы как обозначение лесных жителей и которое имело пренебрежительный оттенок» [7, с. 98]. Как мы увидим далее, сохраняет свое значение, цитированное Г. В. Ксенофонтовым замечание Н. Ф. Катанова: «Из данных языка и родовых имен можно вывести, что все урянхайцы – тюрки, представляющие смесь (уйгур, кыргыс, чоды, соян) и финнов или самоедов» [2, кн. 1, с. 92]. Прав и сам В. В. Ушницкий, когда он говорит: «Но если вплоть до XIX в. в Южной и Восточной Сибири сохранялись этносы, представлявшие енисейские, самодийские, юкагирские и тунгусские языки, впоследствии окончательно отуреченные и монголизированные, то в XIII в. этническая картина региона могла быть ещё более пестрой» [8, с. 70]. Можно заметить, что В. В. Ушницкий стал одним из самых активных исследователей уранхайской проблемы, однако прогресс в определении языковой принадлежности и значения географического и этнического имени *ураангхай* протекает крайне медленно.

В одном из текстов Интернета, озаглавленном «Уранхайцы как тунгусский элемент с культом змеи», подзаголовок которого совпадает с названием одной статьи В. В. Ушницкого «Уранхайцы: по следам одного племени в Центральной Азии (к древней истории якутов)», мы читаем: «Казахский археолог С. М. Ахинжанов пришел к выводу о том, что реальным самоназванием средневекового народа “кимак” арабо-персидских источников было уранкай. Он исходил из того, что в диалектах монгольского языка термин *каи* означал змею, дракона» [9]. К тому же в труде «Тамги лошадей из вассальных княжеств» приводится тамга племени *каи*, изображенная

в виде змей [10, с. 108]. Имя *уран* они, возможно, получили от тюркоязычных соседей ещё на прародине и затем в Восточном Казахстане. Что означает, в общем, змею, но уже в тюркских языках. Кимаки – были народом змей [10, с. 146]. Отсюда и композитный этноним уранкай [10, с. 119]. Следовательно, кимаки-уранкай на территории верховий Иртыша и Алтая – народ пришлый, появившийся в IX в. со своей прародины. Свидетельством их переселений является существование топонимов «уран+кай» на географических картах Маньчжурии и Монголии, Казахстана и территориях, лежащих западнее их [10, с. 120]. Это довольно точный пересказ из указанной книги автора [10, с. 118-120, 124-126]. Какое отношение кимаки имеют к этнотопону уранхай – непонятно, всё здесь держится на допущениях, а точнее, на фантазиях авторов. Тем не менее ссылки на книгу С. М. Ахинжанова в монографии В. В. Ушницкого настолько часты [8, с. 78, 150, 188, 245], что, похоже, сам цитирующий увидел здесь открытие, и непосвященный читатель может увидеть в этих рассуждениях что-то значимое и ценное. То же мы видим в одной из недавних работ того же автора: «По мнению Ю. А. Зуева, Внутренняя Монголия – прародина кимаков, имевших, согласно С. М. Ахинжанову, самоназвание уранхай» [11, с. 36].

Лингвистическая проблематика исследования

Любопытно, что народные этимологии имени *ураангхай* появляются в литературе довольно рано, и Г. В. Ксенофонов рассматривает и эти соображения: «По поводу происхождения имени “ураангхай” Е. К. Яковлев приводит народную этимологию, бытующую среди монголов. “Один сойотский лама считает слово “уранхай” за исковерканное монгольское “оронхой”, что значит “оборванный, презренный” – эпитет, могущий присваиваться всякому народу, более бедному и живущему менее культурною жизнью, чем китайцы.

Г. Н. Потанин приводит легенду монголов-дюрбетов аналогичного содержания:

“Эджен-хан, т. е. китайский император, изгнал это племя из своих владений, вот почему оно называется уранкай, последний член “кай” будто бы значит “бросовое” (брошенная мерзость).

Монголо-бурятский лингвист Б. Б. Бамбаев в своей статье “К вопросу о происхождении бурят-монгольского народа” тоже солидаризируется с сойотским ламой о производстве имени “уранхай” от монгольского слова “оронхой”» [2, кн. 2, с. 165].

Современные авторы, пишущие о проблеме, воспроизводят те же рассуждения, представленные в литературе более 100 лет, лично от себя: «Дело в том, что много людей считают, что слово “урияхаец” означает “оборванец”. По некоторым представлениям, так когда-то монголы называли тувинцев. Но народная этимология слов и терминов очень часто ошибается и приходится признать, что какая-то часть заиклена на этом понимании термина “урияхаец”. За те пятнадцать лет, которые я работаю в Кызыле, я выпустил несколько работ, где обосновывалось научное понимание этимологии слов “Тува” и “Урияхай”. Сначала были высказаны предположения, но впоследствии они получили научное подтверждение... Ни в одном диалекте монгольского языка (и в том числе бурят-монгольском) я не нашел слова “урияхай”, которое обозначало бы “оборванец”. Более того, моя жена Любовь Лубсановна Абаева, которая является известным монголоведом, ещё некоторое время назад предположила, что слово “урияхай” означает “светоносный” и происходит из общего тюрко-монгольского, где “ур” – означает рассвет. Кроме того, это слово имеет мужское начало как в тюркских, так и в монгольских языках... Так что народное представление о происхождении слова “урияхаец” ошибочное и связано со смешением понятий. Утверждается, что урияхайцы, которые в становлении империи Чингизхана сыграли ведущую роль во главе с Субэдеем, позже переселились в тайгу, обнищали, став оборванцами. Но ничего подобного не было. Само это слово ассоциировалось с людьми, живущими в лесах, которые ходили по тайге, продираясь сквозь чащу, отчего у них одежда могла быть оборванная, но ничего здесь обидного нет. Мои ученики также предположили, что слово “урияхаец” произошло от монгольского “уран ахе”, что означает “старший брат”, что уже является свидетельством уважительного отношения. А вообще мой большой друг, академик, президент Академии монгольских традиций Лувсамдамба Дашням считает, что слово “арат” произошло от одного из названий Ирана – Ариана, а значит может быть словом, родственным слову “ариец”» [12].

Вышеприведенных примеров достаточно для того, чтобы прийти к выводу – мы не можем дать исчерпывающий обзор точек зрения по поводу происхождения имени *ураангхай*, поскольку

ряд мнений и характер сопоставлений у некоторых авторов находится в сфере лингвистической паранауки, в которой ономастика всегда давала и даёт максимум примеров. Поэтому здесь мы переходим к изложению результатов наших собственных разысканий.

Н. Г. Спафарий в 1675 г. записал в своём дорожном дневнике путешествия в Китай: «Вершины реки Иртыша текут из Монгольских гор, которые по-русски именуются Камень, и от того места разделяются вершины Иртыша на две протоки: и одну протоку называют монгольцы и калмыки Уренгой, а другую – Балаган. И от того места недалеко есть рубеж Китайского государства, и при вершине реки Иртыша кочует монгольской тайша Зурухта-кун» [13, с. 41-42]. По современным географическим представлениям Иртыш не образуется за счет слияния каких-либо двух рек. Однако слова «сквозь то озеро прошла река Иртыш» – это указание на озеро Зайсан, в которое впадает Черный Иртыш из которого вытекает собственно Иртыш. Разделяются вершины Иртыша на две протоки: и одну протоку называют монгольцы и калмыки Уренгой, а другую – Балаган. Судя по всему, ни то, ни другое название не являются гидронимами и указывают на находящиеся поблизости объекты. То, что в рассматриваемой нами литературе по проблеме имени урянхай осталась без внимания форма, приведённая Спафарием, в общем не удивительно. Удивительно другое, то, что сходные топонимы в общем бассейне Оби и Иртыша, где и ныне проживают финно-угорские и самодийские народы, топоним Уренгой и Новый Уренгой остаются и без объяснения, и даже без надежного определения языковой принадлежности – этих названий нет ни в одном из словарей топонимики России. Для нас важно, что название Уренгой, приведенное у Спафария, находится как раз на западной периферии исторического Урянхайского края, там, где некогда жили самодийские народы.

Это название выводится из ненецких слов: на ненецком языке *варё-нг-хой* «гора с проталинами, гора, на которой раньше всего тает снег».

Найденная этимология названия географического пространства Урянхай в виде ненецкого *варё'-нг-хой* 'гора с проталинами' не встречает ни одного противоречия: название в этой интерпретации как нельзя лучше соответствует горному рельефу местности в Туве и вокруг неё и характеризует какие-то её участки с точки зрения полезности для местных жителей-скотоводов, что актуально для хозяйства территории и поныне. Видимо, не случайно источники фиксируют название Урянхай с начальным согласным *в-*, который до полной адаптации или до полной ассимиляции самодийских народов на этой территории мог ещё сохраняться в вариантах названия. Поиски самодийского и енисейского субстрата в Урянхайском крае в течение долгого времени привлекали внимание лингвистов и подпитывались большим количеством тюркизмов в сохранившихся словниках по языкам южносамодийских и енисейских народов, стимулировавшими лингвистов на разыскание аналогичного влияния этих языков на тюркские языки, в первую очередь на тувинский, тофаларский, языки тувинцев-тоджинцев и сойотов. Становится ясным, что поиски нетюркских и немонгольских элементов в языках народов Центральной Азии представляют гораздо более сложную задачу, чем это представлялось ранее. Но и здесь есть сюрпризы. К нашей теме об именовании якутов *ураангхай-сахалар* имеет прямое отношение термин-название якутского эпоса олонхо. Это якутское слово не имеет ни тюркской, ни монгольской этимологии, если говорить о приемлемых и достоверных соответствиях слов. Но нельзя не отметить, что оно чрезвычайно похоже на ненецкое слово *лаханако* 'сказка, рассказ, разговор', образованное от глагола *лаханась* 'говорить', ср. ещё *лаханакось*, *лаханорць* 'разговаривать, беседовать' [14, с. 25].

Объяснение топографического имени Урянхай, предложенное нами, по существу уравнило именование Урянхай даже не с названиями мест, а с географическими апеллиативами – любая гора с проталинами, привлекающая скотоводов, называется по-ненецки *варёнгхой*. Понятно, что не случайно историческая Тува как место формирования и расселения тувинского этноса получила название Урянхайский край. Название территории распространялось на жителей этого края, кем бы они ни были по этнической принадлежности – тюрками или монголами. Современный этноним урянхайцы связывается с некоторыми группами монголоязычных субэтносов [15, с. 320-322; 16].

Проблема фольклорного этнонима *ураангхай-саха*, во всяком случае, до тех пор, пока не будет показано, что этот этноним есть чисто фольклорное явление, распространившееся

вместе с самими эпическими произведениями, может связываться с миграциями тюркоязычных этнических групп к северу от исторического Баргуджин-Тохума в Прибайкалье и в бассейн Лены. Собственно говоря, современные лингвисты-якутоведы и находят ему место в территориальных наименованиях разных групп якутов, имеющих различное происхождение за счет поглощения каких-то соседей (чаще всего тунгусоязычных) [1]. Однако причины этих миграций следует искать не во взаимоотношениях этносов и этнических конфликтах с сильными соседями, а совсем в другом – в колебаниях климата Сибири и Центральной Азии, которые стали предметом фундаментальных исследований относительно недавно [17]. Мы сейчас можем с уверенностью связывать с колебаниями климата по крайней мере два знаменательных факта в истории Восточной Сибири – это переход курыкан (предков якутов) из Прибайкалья в бассейн Лены примерно в VII в. и почти синхронная с ним параллельная по направлению миграция предков северных тунгусов на левый берег Амура, и потепление XIII в., вызвавшее вторую миграционную волну в бассейн Лены, в которой участвовали монголоязычные этнические группы [18]. Вполне возможно, что ключом к проблеме распространения именованного *ураангхай-саха* в якутском фольклоре является не этническая история народа саха, а фольклорные взаимосвязи тюркских и монгольских народов, где особое внимание привлекают параллели из тувинского эпоса и богатырских сказок к мотивам якутского эпоса и эпических произведений тунгусо-маньчжурских народов.

Этноним *ураангхай* в текстах якутских олонхо

Посмотрим на тексты олонхо, в которых упоминается *ураангхай*.

В олонхо «Строптивый Кулун Кулустуур» [19] герою выпадает судьба стать предком (отцом) ураангхайцев. Такое же предназначение у Эр Соготоха. В олонхо «Могучий Эр Соготох» говорится:

...когда человеческие племена,
в разговоры вступая, – не спознались ещё,
когда племена якутов,
словами обмениваясь, – не знали ещё,
когда – со ступнями продольными,
многоглаголющие,
в шубах, словно ураса, –
ураангхай саха мои,
друг с другом встретившись,
о том о сем не толковали ещё,
когда провидцы мои,
с меченой костью
сородичи-шаманы мои
[будущего] не прозревали ещё, –
госпожа мать-земля моя,
величиной с пятку серой белки будучи,
расширяясь-растягиваясь,
разрастаясь, рождалась [20, с. 77].

Вот ещё один из нескольких фрагментов этого же олонхо:

Ну-ка, нойон,
когда прибудешь туда,
с ним в единоборство вступив,
вряд ли победишь его, нойон,
ураангхай саха
с живою мокрою плотью
с ним тягаться не может,
потому что бессмертный он [20, с. 311].

В таких примерах слово *ураангхай* иногда дополняет именование саха, иногда создаётся иллюзия, что оно служит синонимом к нему, в последнем примере оно оказывается синонимом обозначения человека вообще.

В ряде олонхо отношения между наименованиями якут и ураангхай, ураангхаец весьма интересны, при этом именование ураангхаец служит как бы основанием для сопоставления или замещения наименования якут. Особенно рельефно эти различия в наименованиях выступают в оборотах «по-якутски» и «по-ураангхайски».

Примеры из олонхо «Нюргун Боотур Стремительный»:

«На это женщина сказала: “Зачем ты так преобразился? Что тебя так напугало? Явись в своём истинном виде, покажись в своём явном образе, по-человечески расскажи, по-якутски заговори, по-ураангхайски поведай! Ты пугаешь меня, как будто я не напугана ещё, и так я напуганная сижу”» [21, с. 279]. «И тогда я подумал про себя и потом высказывал вслух: “Хотя он и Дьылга тойон – всё-таки неправду говорит. Меня не сможет осилить никакой человек-ураангхаец, рождённый под солнцем, не возьмут никакие чары и волшебства”» [21, с. 341].

В олонхо по записям С. В. Ястремского [22] ураангхайцы вырисовываются как одни из соседей якутов:

Там, где великий шаман родился,
У подножья трёх тёмных деревьев, –
Там колыбель и родина наша.
Те, что машут огромным бубном
И колотушкой, кряхтя, колотят;
Те, у кого голова трясется,
Три души рассыпаются прахом,
Тело отбрасывает три тени, –
Люди земли, урянхайцы, якуты,
Их шаманы и их шаманки, –
Не победят, не сравнятся с нами! [22, с. 106].

«Вот! вот! вот! Скажи по-якутски, По-ураангхайски ведаи беседу, Молви нам слово по-человечьи! Мы – именитые, славные люди! Ты к нам пришел переведаться силой С высей верхнего чистого неба, Иль из нижнего мира вышел, Или прибыл из среднего света?» [22, с. 134].

«Джагалып-Баай-Тойон, на костыль грудью опираясь, сидел, глядел на них разумно большими, что-у коня, глазами:

– Буя, буя, буя! – громко начал он: – Откуда по крови вы, чьей утробы, каких родов урянхайцы? Расскажите по порядку! Род ваш поведайте! Откуда выехали, про ту защиту-страну вашу подробно мне расскажите!» [22, с. 39].

«Томороон Баай-Тойон грудью на трость оперся,

– Чьей вы крови, чьей утробы, каких вы родов урянхайцы? Поведайте по порядку! Род ваш не скрывайте! Расскажите про вашу родину, откуда явились!» [22, с. 143].

«Пусть выдаст с девятидесятью-косами-Туярыма-Куо, дочку свою, Замуж за славнейшего из улусян, за почетного урянхайца, за Белого-Тойона внука, за Кюлюктэй-Бэргэна!» [22, с. 150].

Наименование *урянхай* – *ураангхай* присутствует и в других образцах текстов этого сборника:

«В то же время на юге, у Байкал-озера, расселился другой якутский род, и возникло отдельное государство, названное Урянхай. Урянхайский царь приказал: убивать всех стариков, кто дожил до восьмидесяти лет.

Один родович-урянхаец, именем Эр-Соготох-Эллэй, не послушав приказа, скрыл своего отца – старика восьмидесяти лет: запрятал его в суму и так укрывал три года. Когда же на государство Урянхай напали братские, вещей старик сказал сыну: “Эр-Соготох-Эллэй, пойдем на север, где течет большая река, Леною называемая!”. Долго шли беглецы, и, когда показалась Лена, большая река, умер отец Эр-Соготох-Эллэй» [22, с. 198].

«Чочукус к просьбам прислушался, наконец, и к духам так обратился:

Плоской стопою ходящий,
Поперёк препоясанный,
С робкой душой, косоглазый
Жених урянхаец-якут;
Вашего приближения,
Чистого мира дыхания
Видю – ему не снести!» [22, с. 211].

«Духи, громко зарыдав, голосили:

О досада, горе, беда! Обидел нас урянхаец-якут! Мы, поддавшись обману его, Напрасно прибыли в чуждый край, Столько терпя лишений в пути! И, не услыша приветных слов, Не удостоясь почетных встреч, Добрых обычаев не узнав, Тут же обратно изгнаны мы!

Чем настойчивее просил шаман, тем жалобнее причитали духи:

О досада, горе моё! – плакала невеста: – Обидел меня урянхаец-якут! Я поддалась на хитрость его, Из верхнего мира спустилась сюда, И, ногой ещё не вступив, Уже обратно изгнана я» [22, с. 212].

«Мы с тобою, конь мой, бубен, исцелителями будем Для людей косноязычных, для якутов-урянхайцев, Изувеченных, недужных, впавших в тяжкие проступки. Вещью вещего шамана, знаменитого шамана, Будь-ка ты, отважный бубен, бубен-чудо, бубен-лошадь!» [22, с. 245].

В одном из преданий, опубликованных сравнительно недавно, имеется текст с похожим содержанием именованного *ураангхай*: «Так решив, вызывает к себе удальца из Таатты. Пригласив удальца, говорит: “Если хочешь жениться на моей дочери, прикончи мне родившегося у меня парня Тааса Уллунгаха, покрытого костным панцирем; если он возмужает, уничтожит якутов, поколеблет жизнь ураангхай”. Тогда удалец крепко задумался: “Как мне убить покрытого костяным панцирем человека, каким оружием, где найти его уязвимое место? Если промажешь – пропадёшь”, – так думая, насторожился» [23, с. 103-105].

В одном из якутских преданий сказано: «Центр современного Нюрбинского района в старину был покрыт зарослями густого тальника, кустарниками, березой, лиственницей и елью. В то время не было здесь двуногих, свободно поворачивающих голову смуглых урангхайцев. В окрестности, говорят, жили тогда тунгусы» [24, с. 236]. При наличии такого точного указания трудно верится в то, что тюркоязычные ураангхайцы или их предки могли жить на Вилюе.

Наименование *уранкай* в эвенкийском эпосе

Этноним *уранкай* встречается в материалах, собранных Г. М. Василевич и относящихся к эвенкийскому фольклору, хотя мы обнаруживаем его в только в немногих опубликованных эпических эвенкийских текстах. Г. М. Василевич писала, что эвенкийские информаторы давали такие сведения о термине уранкай: «У меня нет никакого скота, я уранкай», «ведь должны же быть уранкай, похожие на нас», «я знаю уранкаев всех трёх земель», «от какого уранка ты произошёл», «давно, давно, когда уранкаев не было» [25, с. 63, 66, с. 76, прим 19]. Судя по приводимым примерам, единственным источником знаний об уранкаях для эвенков, с которыми работала Г. М. Василевич, были якутские олонхо или их пересказы на эвенкийском языке.

Вот примеры употребления именованного уранкай в эвенкийских эпических текстах:

«Средней земли-матери хозяйин, С двумя ногами, С голым лицом, С гибкими суставами, С тучей душой-матерью, С легко поворачивающейся головой, С именем эвенка-уранка» [26, с. 131].

«Сильный богатырь [сказал]: “Почему до сих пор Из какого-нибудь мира Не навестил нас Эвенк-уранкай”» [26, с. 139].

«Если хорошо присмотреться к этой красивой стране,
Думая, не здесь ли должен родиться
Двуногий, гололицый человек-уранкай
С легко поворачивающейся головой, –
То, оказывается, в этой стране родился и вырос
Один сильный парень-аи
По имени всесильный богатырь Дэвэлчэн
В расшитой-разукрашенной одежде
От головы до пят» [26, с. 241].

Это же именование встречается в обрядовых текстах эвенков [27, с. 31, 205, 207, 229]. В комментариях [27, с. 369] повторяется ошибочная версия трактовки названия *уранкай* как жители гор на эвенкийской основе, предлагавшаяся Г. М. Василевичем [28, с. 340]. Анализ эвенкийских текстов с именованием *уранкай* не даёт ничего для понимания содержания фольклорного этнонима, но отчасти тем самым указывает на его заимствованный характер для эвенкийского фольклора. Соответственно эпический фольклор эвенков, хотя и содержит этническое именование уранкай, ничего не может дать для понимания истории именованного урянхайцы.

Г. В. Ксенофонтов, занимаясь поисками связей якутов, в фольклоре которых присутствует именование ураангхай-саха, во многом ориентировался на построения лингвистов – его предшественников и современников, занимавшихся поисками классификации тюркских языков. В это время – в конце XIX – первой трети XX вв. место якутского языка в классификации тюркских языков не было окончательно определено, и многие связи, наблюдаемые между якутским и другими тюркскими языками, выглядели иллюзорными, и в наше время рассуждения ученого в этой сфере представляют чисто исторический интерес (см. историю вопроса в лингвистическом плане [29]).

Этимология названия *ураангхай* подсказала новое решение проблемы. В среде якутов существует дифференциация отдельных групп по характеру места проживания, по Г. С. Поповой «также выделяются своими локальными особенностями якуты различного природно-ландшафтного ареала обитания – аласные якуты (*алаас сахата*), лесные якуты (*тайба (тыя) сахата*), речные якуты (*хочо (өрүс) сахата*), горные якуты (*хайа сахата*), тундровые якуты (*туундара сахата*). И, наконец, саха отличает себя по основным географическим направлениям света как восточные якуты (*илин энэр сахата*), северные якуты (*хотугу саха*), южные якуты (*собуруу саха*), в т. ч. выделяя вилюйских якутов (*Бүлүү умнаһын (энэр) сахата*), в т. ч. отдельно выделяется ареал или тип якуты центральных улусов (*киин улус сахата*)» [30, с. 92]. В этот ряд хорошо вписывается и именование *ураангхай-саха* как «жители склонов гор, где раньше всего тает снег».

Заключение

В итоге мы можем сделать вывод, что присутствие локального и этнического именования *ураангхай* в якутском фольклоре отражает древние этнические связи якутов с древними жителями Урянхайского края – тувинцами. На это указывает близость языковых и культурных понятий, обозначенных как «якутский» и «ураангхайский», тождество обозначения якутов и ураангхайцев как единственных людей, проживающих в описываемой местности, и, возможно, память о взаимопонятности якутского и «урянхайского», т. е. тувинского языков. Надо учитывать, что якуты в момент появления на Лене и всюду на территории современной Якутии были единственными тюрками, и таким образом единственными носителями тюркского культурного стандарта, который представлен в якутском эпосе – в олонхо. Похоже, что понятие ураангхай-саха представляет собой факт языка якутского фольклора, только ограниченно пригодный для конструирования этнической истории народа саха и других народов Центральной Азии.

Литература

1. Ефремов Н. Н. Старинное название якутов было ураангкай... // Илин. 2001. № 3-4 [Электронный ресурс]. URL: <http://ilin-yakutsk.narod.ru/2001-34/12.htm> (дата обращения: 11.03.2019).
2. Ксенофонтов Г. В. Ураангхай-сахалар. Т. 1. Иркутск, 1937. 2-е изд., кн. 1-2. Якутск: Нац. изд-во Республики Саха (Якутия). Кн. 1 – 416 с.; Кн. 2 – 416 с.
3. Вайнштейн С. И. Мир кочевников Центра Азии. – М.: Наука, 1991. – 296 с.
4. Вайнштейн С. И. Тувинцы-тоджинцы. Историко-этнографические очерки. – М.: Изд-во Вост. лит-ры, 1961. – 218 с.
5. Серошевский В. Л. Якуты. Опыт этнографического исследования. – М.: Ассос. «Рос. полит. энцикл.», 1993. – 736 с.
6. Ушницкий В. В. Урянхайцы: по следам одного племени в Центральной Азии // Наука и образование. – 2008, № 3. – С. 72-77.
7. Ушницкий В. В. Проблема происхождения этнонима урянхай // Гуманитарные науки в Сибири. 2010, № 4. – С. 96-99.
8. Ушницкий В. В. Население Байкальского региона в эпоху средневековья (к проблеме этногенеза саха). – Якутск: Изд-во ИГиИПМНС СО РАН, 2013. – 173 с.
9. Урянхайцы как тунгусский элемент с культом змеи [Электронный ресурс]. URL: <https://merkit.livejournal.com/1079.html> (дата обращения: 29.12.2018).
10. Ахинжанов С. М. Кыпчаки в истории средневекового Казахстана. – Алматы: Гылым, 1995. – 296 с.

11. Ушницкий В. В. Татары Центральной Азии и проблема происхождения народа ураангхай-саха // Северо-Восточный гуманитарный вестник. – 2017, № 3 (20). – С. 30-36.
12. Народная молва ошибается в значении слова «Урянхай» [Электронный ресурс]. URL: http://fedpress.ru/expertsovvet/expert_mnenie/narodnaya-molva-oshibaetsya-v-znachenii-slova-uryankhai (дата обращения: 21.01.2019).
13. Спафарий Н. Г. Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 году. Дорожный дневник Спафария / с введ. и примеч. Ю. В. Арсеньева. – СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1882. – 214 с.
14. Хомич Л. В. Ненецко-русский словарь. – Л.: Учпедгиз, 1954. – 122 с.
15. Агеева Р. А. Какого мы роду-племени? Народы России: имена и судьбы. Словарь-справочник. – М.: Academia, 2000. – 424 с.
16. Лхагвасурэн Ичинхорлоо. Алтайские урянхайцы. Историко-этнографические очерки (конец XIX – начало XX в.) / Пер. с монг. М. В. Монгуш. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2013. – 178 с.
17. Леви К. Г., Задонина Н. В., Бердникова Н. Е., Воронин В. И и др. Современная геодинамика и гелиогеодинамика. Кн. 2. 500-летняя История аномальных явлений в природе и социуме Сибири и Монголии. – Иркутск: Изд-во Иркутского гос. тех. ун-та, 2003. – 383 с.
18. Бурыкин А. А., Шарина С. И. Средневековые миграции народов Средней и Восточной Сибири: поиски причин и анализ последствий // Великие евразийские миграции: материалы Международной научной конференции (11-14 октября 2016 г.). – Элиста: Изд-во КалмГУ, 2016. – С. 133-139.
19. Строптивый Кулун Куллустуур: якутское олонхо. – М.: Наука. Глав. ред. вост. лит.-ры, 1985. – 605 с.
20. Якутский героический эпос «Могучий Эр Соготох». – Новосибирск: Наука. Сибирская издательская фирма РАН, 1996. – 440 с. – (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока).
21. Нюргун Боотур Стремительный: олонхо. – Якутск: Госиздат ЯАССР, 1947. – 407 с.
22. Якутский фольклор / Тексты и пер. А. А. Попова; вступ. статья акад. А. Н. Самойловича. – М.; Л.: Сов. писатель, 1936. – 319 с.
23. Предания, легенды и мифы саха (якутов). – Новосибирск: Наука. Сибирская издательская фирма РАН, 1995. – 400 с. – (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока).
24. Эргис Г. У. Исторические предания и рассказы якутов. В 2 ч. Ч. 1. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – 322 с.
25. Василевич Г. М. Уранкай-эвенки // Доклады по этнографии ВГО. – Л.: Всесоюзное Географическое общество, 1966. – С. 56-93.
26. Эвенкийские героические сказания / Сост. А. Н. Мыреева. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1990. – 392 с.
27. Обрядовая поэзия и песни эвенков / Сост. Г. И. Варламова, Ю. И. Шейкин; Отв. ред. Т. Е. Андреева. – Новосибирск: Гео, 2014. – 488 с.
28. Василевич Г. М. Исторический фольклор эвенков. Сказания и предания. – М.; Л.: Наука, 1966. – 400 с.
29. Левин Г. Г. О происхождении якутского языка в этнографических и лингвистических трудах исследователей XVII–XIX вв. // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского гос. ун-та. 2010, № 4 (16). – С. 149-154 [Электронный ресурс]. URL: www.scientific-notes.ru/pdf/017-18.pdf (дата обращения: 16.11.2018).
30. Попова Г. С. Факты из текста олонхо Н. А. Абрамова – Кынат «Ньургун Бөбө» // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова: Серия Эпосоведение. 2016. № 1 (1). – С. 91-98 [Электронный ресурс]. URL: <http://epossvfu.ru/wp-content/uploads/2016/05/Попова-ГС.pdf> (дата обращения: 14.03.2019).

References

1. Efremov N. N. *Starinnoe nazvanie jakutov bylo uraangkaj...* [The ancient name of Yakuts was Uriankhai...]. In: *Ilin* [Ilin]. 2001, No. 3-4 [Web resource]. URL: <http://ilin-yakutsk.narod.ru/2001-34/12.htm> (accessed March 11, 2019).
2. Ksenofontov G. V. *Uraangkaj-sahalar* [Uraangkay-sakhalar]. T. 1. Irkutsk, 1937. 2-e izd., kn. 1-2. Yakutsk, Nac. izd-vo Respubliki Sakha (Jakutija). Book 1, 416 p. Book 2, 416 p.

3. Vajjnshtejn S. I. *Mir kochevnikov Centra Azii* [The world of nomads of Central Asia]. Moscow, Nauka publishers, 1991, 296 p.
4. Vajjnshtejn S. I. *Tuvincy-todzhincy. Istoriko-etnograficheskie ocherki* [Tuva-Todzhins. Historical and ethnographic essays]. Moscow, Izd-vo vost. lit-ry, 1961, 218 p.
5. Seroshevskij V. L. *Jakuty. Opyt etnograficheskogo issledovanija* [Yakuts. Ethnographic research experience]. Moscow, Assoc. "Ros. polit. encikl.", 1993, 736 p.
6. Ushnickij V. V. *Urjankhajcy: po sledam odnogo plemeni v Central'noj Azii* [Uryanhaytsy: in the footsteps of one tribe in Central Asia]. In: *Nauka i obrazovanie* [Science and education]. 2008, No. 3, pp. 72-77.
7. Ushnickij V. V. *Problema proiskhozhdenija etnonima urjankhajj* [Problem of origin of the ethnonym Uriangkhai]. In: *Gumanitarnye nauki v Sibiri* [Humanities in Siberia]. 2010, No. 1, pp. 96-99.
8. Ushnickij V. V. *Naselenie Bajkal'skogo regiona v epohu srednevekov'ja (k probleme etnogeneza sakha)* [Population of Baikal region at the time of Middle ages (to the problem of the ethnogenesis of Sakha)]. Yakutsk, Izd-vo IGI PMNS SO RAN, 173 p.
9. *Uranhajcy kak tunguskij element s kultom zmei* [Web resource]. URL: <https://merkit.livejournal.com/1079.html> (accessed December 29, 2018).
10. Akhinzhanov S. M. *Kypchaki v istorii srednevekovogo Kazakhstana* [Kypchaks in the history of medieval Kazakhstan]. Almaty, Gylm, 1995, 296 p.
11. Ushnickij V. V. *Tatary Central'noj Azii i problema proishozhdenija naroda uraangkaj-sakha* [The Tatars of Central Asia and the problem of the origin of the people of Uraanghai Sakha]. In: *Severo-Vostochnyj humanitarnyj vestnik* [North-Eastern humanitarian herald]. 2017, No. 3 (20), pp. 30-36.
12. *Narodnaya molva oshibaetsya v znachenii slova "uryanhaj"* [Web resource]. URL: http://fedpress.ru/expertsovet/expert_mnenie/narodnaya-molva-oshibaetsya-v-znachenii-slova-uryankhai (accessed January 21, 2019).
13. Spafarij N. G. *Puteshestvie cherez Sibir' ot Tobol'ska do Nerchinska i granic Kitaja russkogo poslannika Nikolaja Spafarija v 1675 godu. Dorozhnyj dnevnik Spafarija* [Journey through Siberia from Tobolsk to Nerchinsk and the borders of China by the Russian envoy Nikolai Spafari in 1675. The travel diary of Spafari]. Vved. i primech. Ju. V. Arsen'eva. Saint Petersburg, Typography of V. Kirshbaum, 1882, 214 p.
14. Khomich L. V. *Nenecko-russkij slovar'* [Nenets-Russian Dictionary]. Leningrad, Uchpedgiz, 1954, 122 p.
15. Ageeva R. A. *Kakogo my rodu-plemeni? Narody Rossii: imena i sud'by. Slovar'-spravochnik* [What clan-tribe are we? Peoples of Russia: names and fates. Concise Dictionary]. Moscow, Academia Publ., 2000, 424 p.
16. Lhagvasuren Ichinhorloo. *Altajskie urjanhajcy. Istoriko-etnograficheskie ocherki (konec XIX – nachalo XX v.)* [Altai Uryankhaians. Historical and ethnographic essays (late XIX – early XX century.)]. Translated from Mongolian by M. V. Mongush. Ulan-Ude, Izd-vo BNC SO RAN, 2013, 178 p.
17. Levi K. G., Zadonina N. V., Berdnikova N. E., Voronin V. I. i dr. *Sovremennaja geodinamika i geliogeodinamika. Kn. 2. 500-letnjaja istoriya anomalnyh yavlenij v prirode i sociume Sibiri i Mongolii* [Modern geodynamics and heliogeodynamics. Book 2. 500-year-old History of anomalous phenomena in the nature and society of Siberia and Mongolia]. Irkutsk, Izd-vo Irkutskogo gos. teh. un-ta, 2003, 383 p.
18. Burykin A. A., Sharina S. I. *Srednevekovye migracii narodov Srednej i Vostochnoj Sibiri: poiski prichin i analiz posledstvij* [Medieval Migration of the Peoples of Middle and Eastern Siberia: Search for Causes and Analysis of Consequences]. In: *Velikie evrazijskie migracii: materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (11-14 oktjabrja 2016 g.)* [Great Eurasian migrations. Materials of the International Scientific Conference (October 11-14, 2016)]. Elista, Izd-vo KalmGU, 2016, pp. 133-139.
19. *Stroptivyy Kulun Kullustuur: jakutskoe olonkho* [Obstinate Kulun Kulustuur: Yakut Olonkho]. Moscow, Nauka, Glav. red. vostochnoj lit-ry, 1985, 605 p.
20. *Jakutskij geroicheskij epos "Moguchij Er Sogotokh"* [Yakut heroic epic "The Mighty Er Sogotokh"]. Novosibirsk, Nauka, Sibirskaia izdatel'skaja firma RAN, 1996, 440 p.
21. *Njurgun Bootur Stremitel'nyj* [Nyurgun Bootur the Swift]. Yakutsk, Gosizdat JaASSR, 1947, 407 p.
22. *Jakutskij fol'klor* [Yakut Folklore]. Teksty i per. A. A. Popova, vstup. stat'ja akad. A. N. Samojlovicha. Moscow, Leningrad, Sov. pisatel', 1936, 319 p.
23. *Predanija, legendy i mify sakha (jakutov)* [Stories, legends and myths of Sakha (Yakuts)]. Novosibirsk, Nauka, Sibirskaia izdatel'skaja firma RAN, 1995, 400 p.
24. Ergis G. U. *Istoricheskie predanija i rasskazy jakutov* [Historical legends and stories of the Yakuts]. G. U. Ergis. In 2 parts. Part 1. Moscow, Leningrad, Izd-vo AN SSSR, 1960, 322 p.

25. Vasilevich G. M. *Urankai-evenki* [Urankai-Evenkis]. In: *Doklady po etnografii VGO* [Reports on ethnography of AGC]. Leningrad, Vsesoyuznoe geograficheskoe obshchestvo, 1966, pp. 56-93.
26. *Evenkijskie geroicheskie skazaniya* [Evenki heroic tellings]. Sost. A. N. Myreeva. Novosibirsk, Nauka, Sib. otd-nie, 1990, 392 p.
27. *Obrjadovaja poezija i pesni evenkov* [Ritual poetry and songs of the Evenki]. Sost. G. I. Varlamova, Ju. I. Shejkin. Otv. red. T. E. Andreeva. Novosibirsk, Geo, 2014, 488 p.
28. Vasilevich G. M. *Istoricheskij fol'klor evenkov. Skazaniya i predaniya* [Historical folklore of the Evenki. Tales and legends]. Moscow, Leningrad, Nauka, 1966, 400 p.
29. Levin G. G. *O proishozhdenii yakutskogo yazyka v etnograficheskikh i lingvisticheskikh trudakh issledovatelej XVII-XIX vv.* [On the origin of the Yakut language in ethnographic and linguistic works of researchers XVII-XIX centuries]. In: *Uchenye zapiski. Elektronnyj nauchnyj zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific papers. Electronic Scientific Journal of Kursk State University]. 2010, No. 4 (16), pp. 149-154 [Web resource]. URL: <http://www.scientific-notes.ru/pdf/017-18.pdf> (accessed November 16, 2018).
30. Popova G. S. *Fakty iz teksta olonkho N. A. Abramova – Kynat “N’urgun Bege”* [Facts from the text of olonkho N. A. Abramov – Kynat “Nyurgun Bege”]. In: *Vestnik Severo-Vostochnogo federal’nogo universiteta imeni M. K. Ammosova: Serija Eposovedenie* [Vestnik of North-Eastern Federal university: Series Epic studies]. 2016, No. 1 (01), pp. 91-98 [Web resource]. URL: <http://epossvfu.ru/wp-content/uploads/2016/05/Попова-ГС.pdf> (accessed March 14, 2019).